

УЧИТЕЛЯ. УЧИТЕЛЬ...

Александр Зорин

**Ровно 25 лет назад, 9 сентября 1990 г., в подмосковном Семхозе был убит
протоиерей Александр Мень**

Если поставить отца Александра Менья, свидетеля Христова, в центр моей жизни, то путь к центру для меня был весьма путанным и прерывистым. Я не уверен, впрочем, что центра достиг и достигну в оставшиеся земные сроки. Не уверен, всё ли мне открылось в личности этого человека, несомненно, повлиявшего на меня в жизни более чем кто-либо.

Начну издаেকে. Учась в Литературном институте заочно (то есть, не посещая лекции в течение учебного года, а только на предэкзаменационных сессиях), я был предоставлен сам себе и постигал учебный курс хаотично. Приходилось где-то работать, выкраивая время на самостоятельные занятия. Работал я и сторожем, и дворником, и заправщиком электрокары на автобазе, и разнорабочим в Крымской обсерватории, и в многочисленных геологических экспедициях. (После школы окончил геологический техникум). Из литературного заработка подкармливали переводы иноязычных поэтов, в основном эстонских. Словом, выбирал работу, оставлявшую необходимый досуг для чтения. И в эти счастливейшие досуги открывал для себя и русскую, и советскую, и зарубежную классику. Назову в приблизительной последовательности имена писателей, судьба которых была для меня не менее важной, чем их литература. Из русских писателей это Чехов, Лесков, Достоевский, Пушкин (!), Толстой, Есенин, Блок, Павел Васильев, Цветаева, Волошин, Бунин, Андрей Платонов... Заболоцкий... С Заболоцкого начался серьёзный интерес к астрономии. Он переписывался с Циолковским. Открыв Циолковского, я погрузился в его жизнь и натурфилософские сочинения. После Циолковского философ-утопист Николай Фёдоров, после Фёдорова снова Толстой. Этот «матёрый человечище» (так назвал его Ленин) казался мне тогда Иисусом Христом, неузнано посетившем Землю во втором пришествии. Я ещё не открывал Евангелия. А когда открыл и многое переписал оттуда в толстую тетрадь, о Толстом я уже так не думал.

Повторяю, писатели, которых я перечислил, важны были для меня и своим творчеством, и подвижнической жизнью. Им сопутствовали (в мои молодые годы) американец Генри Торо, француз Ален Бомбар... Торо поселился в 1845 году вдали от цивилизации на берегу лесного озера Уолден. Это был для меня заразительный пример пустынножительства, свободного от религиозных канонов. Многие годы (с мая по сентябрь-октябрь) я жил на хуторе в Латвии, на берегу Рижского залива. Хозяева, Аболтиньши, поселили меня в баньке, где я сочинял стихи, читал запоем Библию и блуждал по звёздному небу с помощью телескопа, который привёз туда из Москвы. («И, если бы... купить бы телескоп! Уж не такая роскошь для поэта...»). Купил, и привёз в Куйвижи. Учение Генри Торо и американских философов его круга, трансценденталистов, пленило меня романтической идеей: «Бог ближе к людям в лесах и горах, чем в городах».

Французский врач Ален Бомбар – в одиночку на шлюпке переплывший Атлантический океан, чтобы доказать людям, потерпевшим кораблекрушение, что они могут спастись, – тоже был заразительный пример. На рыболовецком траулере я ушёл в море, подрядившись простым матросом. Северные акватории в Атлантическом океане, доступные для советского флота, тогда ещё были промысловыми. Я испытал то, о чём мечтал: побывал в самом узилище стихий, когда шторма вздымали на гребень волны старенькое судёнышко и рушили его вниз. Волна стояла у меня перед глазами, как мутная стена, до которой, казалось, можно было дотянуться рукой. При этом была видна бездна, куда я проваливался вместе с палубой и со всей своей восторженной жизнью. Вцепившись в поручни, в тот раз я не уходил с палубы, пока капитан не заметил меня из рубки и не прорычал по громкой связи, чтобы я убирался в каюту.

«Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю,

И в разъярённом океане

Средь грозных волн и бурной тьмы...»

Эти рискованные порывы на грани безумия Пушкин считал, может быть, залогом бессмертия... С этим, пожалуй, не соглашусь. Да и Пушкин не уверен: «может быть...». «Но счастлив тот, кто средь волненья/ Их обретать и ведать мог». Это правда, мгновенное счастье сопряжено с риском...

Здесь надо бы сказать, как попали ко мне эти книги. «За бортом по своей воле» (Ален Бомбар) купил мой отец. Он, вышедший из заключения после смерти Сталина, вернувшись в семью, стал собирать библиотеку, которая спасла меня от улицы, от уголовного мира. В девятом классе я расстался с дворовыми друзьями и каждый день до двух часов ночи просиживал за очередным томом. Ежедневное уединение - кухня в общей квартире, тусклая лампочка под потолком...

Уже учась в институте, я написал письмо Алену Бомбару. Точного адреса я не знал, но письмо дошло, что свидетельствовало о колоссальной популярности этого человека во Франции. Бомбар мне ответил. Он стал символом спасения гибнущего человечества. Теряя веру в Истинного Спасителя, люди теряют и волю к спасению. Позже он возглавил общество бывших чемпионов, бывших победителей на своём поприще и «сошедших со сцены». Их надломленная жизнь оказалась куда более опасной, чем та, когда они боролись за первенство. Нечто подобное испытал и Бомбар, одолевший Атлантический океан и столкнувшийся с океаном вражды и недоверия на суше.

А Генри Торо я купил на дальнем севере. Мы с моим другом Евгением Винниковым провели зиму 1965-66 годов в Архангельской области, в приморской деревне Кушерика. И вот, возвращаясь, оказались в Онеге, районном городишке, зашли, разумеется, в книжный магазин. И там Женя ткнул меня носом в это сокровище. Сам бы я не заметил, имя американского философа мне ничего не говорило.

Евгений Соломонович Винников (настоящая фамилия Хаимов), одно время был моим просветителем, ревностным поводырём в советских потёмках, и не только моим. Человек гениальных способностей, широко и памятно начитанный, он подавал надежды как молодой писатель. И был замечен известными мастерами слова - Львом Славным, Юлианом Семёновым... Стал печататься... Но главные свои вещи, остроконфликтного содержания, опубликовать не мог. Не это ли его подкосило?... Писательство кончилось, началась беспорядочная жизнь, засасывающая в болото. Мне тогда казалось, что наша действительность не даёт возможности ему по-настоящему раскрыться. Что она мелковата для него, как затхлая лагуна для океанского лайнера с глубокой посадкой. Что он не плывёт, а стоит на месте, черпая по дну.

Отчасти так и было. Сколько подлинных талантов загубили себя в нашем злонамеренном мелководье. Особенно из тех, кто не услышал слова Спасителя: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин., 16:33).

Наблюдение звёздного неба, притягательного для меня и сегодня, чтение астрономической популярной литературы, конечно же, ставило вопросы, на которые ищешь ответа. Иммануил Кант вывел, как формулу: «Две вещи восхищают меня – это звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас».

В Бюракане (Армения) в сентябре 1971 года собралась первая международная конференция, посвящённая проблемам связи с внеземными цивилизациями. Я участвовал в ней как пристрастный слушатель и читатель. В то время стали просачиваться в прессу статьи, заметки уфологического содержания. Соблазнительны были «сведения» о неопознанных летающих объектах, о пришельцах из иных миров. Братья по разуму в соседней галактике! Но от явлений космического масштаба меня всё-таки разворачивало к проблемам земным, реальным. А нет ли их поближе, братьев по разуму и по духу? Разве не могут быть братские отношения между людьми?

Этот вопрос мне задала моя мама, когда однажды мы с ней возвращались с какой-то лекции о космических пришельцах. Она была учительница. В молодости закончила Гнесинское музыкальное училище. Слушала лекции в Государственном институте музыкальной культуры, где методику фортепьянной игры читал Григорий Петрович Прокофьев, брат композитора. По окончании Гнесинки маму оставляли преподавать в училище. И учиться дальше по классу композиции. Она любила импровизировать, сочиняла музыкальные пьесы. И в 20-х годах, как известный тапёр, зарабатывала деньги на сеансах немного кино, сопровождая своей музыкой беззвучные ленты. Послереволюционная жизнь диктовала свою жёсткую программу. И мама поступила учиться в педагогический институт и, закончив, преподавала географию в школе, а вечерами – музыку, ходила по домам, к ученикам... Добрейший человек, она всегда бескорыстно помогала людям и не хотела верить, что наша судьба зависит от каких-то инопланетян...

И как будто отвечая на эти вопросы, мне были посланы книги отца Александра Меня.

Ходившие в Самиздате, перепечатанные на машинке «Сын Человеческий» и первые тома его Истории религии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Давала мне их читать моя знакомая, которая их и перепечатывала. А издавались они в Брюсселе, под псевдонимами Светлов, Боголюбов. Некоторое время она скрывала от меня настоящее имя автора, и я не сомневался, что он живёт или жил где-то за пределами Советского Союза. И когда я стал обнаруживать к истории религии более чем читательский интерес, Фаина Евсеевна Бухина, моя благодетельница, призналась, что автор - православный священник, служит под Москвой. И я, не откладывая, поехал в Пушкино, в Новую деревню, где в храме Сретения Господня служил отец Александр Мень. Это был сентябрь 1975 года.

Отбрасывая некоторые предпосылки на пути к Истине (романтическое мировосприятие, звёздное небо, чтение Библии), встреча с Менем стала началом моего обращения. Я попал в братскую, культурную, творческую среду. Регулярные общения со священником, исповеди, зачастую в виде доверительной беседы, книги, книги, которыми из своей библиотеки отец Александр щедро делился. Делились и мы между собой зарубежными изданиями. А это была не только вероучительная литература, но и философская, и художественная, и историческая. С тех пор и до перестройки я восполнял своё образование исключительно литературой, приходившей из тамиздата.

В приходе практиковалась взаимопомощь. Имея некоторый строительный опыт, я, по благословению батюшки, организовал ремонтную бригаду. Мы помогали прихожанам (особенно пожилым) и на дачах, и в московских квартирах. В приходе существовали так называемые Малые группы. Точное число их знал только отец Александр. Мы регулярно собирались у кого-нибудь дома. Это были учебные и молитвенные встречи. В той, куда входили я и моя жена, был так называемый денежный ящик – конверт для денежного взноса – кто сколько может. Семьи-то были в основном малообеспеченные, а то и многодетные...

Община в Новой деревне была для меня универсальной жизненной школой, о чём я попытался рассказать в книге об отце Александре «Ангел Чернорабочий».

В этом году исполняется двадцать пять лет со дня его гибели. Не оставляет мысль, что проживи он хотя бы ещё лет 10-15, Россия была бы другая! Её развитие пошло бы по другому курсу. Не случайно же сказано: «Много может усиленная молитва праведника» (Ик., 5:16). А сила молитвы отца Александра сказалась не только в судьбах многих людей, но и в состоянии Церкви, житнетворные процессы которой сегодня едва заметны. Стоя на литургии и слушая его проповедь, многим казалось, что она обращена именно к нему. Известная истина: Бог любит каждого человека больше всех. Именно такая любовь – искра Божьего пламени – наполняла его пастырское служение. И это главный дар богатейше одарённой личности.

Не было дня, чтобы я не думал о двух людях: о маме, ушедшей в 2002 году, и о нём. Перечитываю, слушаю лекции, проповеди. Он предчувствовал, что грядущий век чреват угрозой международного терроризма. Он говорил, что «мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех «детей Адама», терзающей его единое тело. Эта война не утихает ни в дни боевых действий, ни в дни «мира». Террор и ненависть не знают перемирий». Мир стремительно меняется. Меняется и культурный фон в мире. Он считал, что должен меняться и язык Церкви в отношениях с миром. В 1989 году ему довелось выступать на симпозиуме в итальянском городе Бергамо. «Уверю вас, - сказал он, - без нового религиозного ренессанса человечество способно погибнуть за очень короткий срок, потому что, овладев огромными разрушительными силами, потеряв нравственную ориентацию, потеряв то, что действительно питало корни культуры, человек пойдёт по пути самоубийства... Или мы возвратимся к звериному состоянию, вооружённые техникой, или вернёмся к тому, что дано нам изначально, именно к образу и подобию Божию».

В его «молитве учеников Христовых», которая вошла в золотой фонд христианского молитвословия, есть слова: «Научи нас видеть братьев в тех, кто мыслит иначе, чем мы – в иноверцах и неверующих». Но как можно безумцев, взрывающих себя вместе с другими, научить братской любви! Прежде всего – примером: любовью христиан между собою. Господь же создал единую Церковь. Но вражда и разделение существуют и внутри одной - русской православной Церкви. И часто камнем преткновения этой вражды является отец Александр. Его открытое, просвещённое, деятельное исповедание веры...

В свете сегодняшнего вандализма со стороны исламских группировок следует вспомнить, что ислам возник (VII век н.э.) в эпоху глубокого кризиса христианской Церкви, когда взошли и укоренились восточные ереси, когда христиане, разделившись на всевозможные секты и движения, враждовали между собой. Он был послан как знак Свыше, как предупреждение об опасности внутри Церкви. Вот и сегодня настало время, когда предупреждение обращено ко всей христианской цивилизации. Воинственный исламский фундаментализм можно рассматривать как провокацию на выздоровление, на миролюбие христианского мира, прежде всего, внутри себя, как призыв к спасению.

Включаю магнитофон и слышу его спокойный голос: «Демократия – это психология.

Кстати, в понятие «интеллигентный человек» Чехов включал как раз умение чувствовать другого, понять точку зрения другого. Вот это и есть интеллигентный человек. Но этот цветок надо выращивать долго! Это высшее произведение душевной структуры, и когда оно будет развиваться, - из него может вырасти полезное для общества и будет влиять на общество. А перестроить структуру общества, сделать его демократичным, если в нём народы или народ несёт в себе тоталитарную психологию, - из этого ничего не выйдет»

#